

Погода стояла морозная, не говоря уже о том, как холодно было в мрачной пещере. Фэн Мин, пробыв полдня в тюрьме, вообще не увидел и тени чьего-либо присутствия, кроме того, никто не приносил еды, а сейчас юноша особенно скучал по аппетитным кулинарным шедеврам Цю Лань. Потирая живот, князь поднял взгляд и, смотря на висевшую снаружи покачивающуюся тусклую масляную лампу, не сумел понять, который сейчас час.

В таком мерзком месте, которое словно было отрезано от мира, даже время и то словно остановилось.

На ужин не стоило рассчитывать, так как он, Фэн Мин, наглец, «оскорбивший духов и проклявший святой дворец», раз не подвергся избиению, уже должен был считать, что ему посчастливилось. В животе урчало, беспорядочно и громко бунтуя, а от чувства голода становилось тягостно, ведь он с того момента, как попал в этот мир, всегда был окружён богатой одеждой и изысканной пищей. Даже будучи в руках Жо Яня и Лу Даня, он не подвергался таким бесчеловечным и мучительным мерам, как голод. Жаль, что в данную минуту князь, кроме слов проклятия в сторону «старых ведьм», ничего не мог сделать, и всё, что ему оставалось, — завалиться спать.

От лежащей на земле рисовой соломы исходил отвратительный тухлый запах, поэтому Фэн Мин совершенно не хотел приближаться к ней. Хотя он и дрожал от холода, но, тем не менее, забившись рядом в угол стены, крепко обхватил себя.

«Где сейчас Жун Тянь — неизвестно?»

«Силэй поменял государя. В конце концов, что произошло? Тун Цзяньмин в сговоре с Тун-эром?»

«Увидел ли Жун Тянь подлинное лицо Цай Цян? Цай Цян — сын Ань Хэ, малыш, появившийся из спермы этого тела, что сейчас принадлежит мне. Как разобраться в этой путанице?»

Пока князь с осторожностью прокручивал в голове вопросы, которые оставались без ответа, воспоминания, когда он, как обычно, безобразничал с Жун Тянем, ворвались, создавая путаницу в мыслях. Фэн Мин улыбнулся и, потеряв горячие от нахлынувших слёз глаза, вновь глупо захихикал, в итоге сонливость нахлынула на разум юноши, и хоть везде царил холод, Фэн Мин всё же медленно закрыл глаза, засыпая.

На следующее утро господин советник, сидя в специальном малом паланкине, незаметно прибыл к воротам небесно-земного дворца.

Храм цзиши и господин советник всегда были как вода и огонь [1]. Лу Дань с безучастным выражением лица передал указ императора:

— Император приказал мне повидаться с князем Мином. — Пройдя в небесно-земной дворец, мужчина опустился благоговейно на колени перед небесно-земным кольцом, что лежало в

середине озера, после чего слегка поклонился главе цзиши, приветствуя.

Женщина неторопливо посмотрела на указ императора:

— Этот человек оскорбил святой дворец и теперь закрыт в подземной тюрьме, чтобы покаяться. Господин советник, имея при себе императорский указ, прошу, взгляните сами.

Лу Дань, убрав за пазуху императорский указ, прошёл мимо мрачных цзиши.

Следуя за факелом охранника храма цзиши, Лу Дань вошёл в коридор. Сегодня небеса были холодными, и уже чувствовалось, что скоро пойдёт снег, однако мужчина совершенно не ощущал сильного холода в противоположность Фэн Мину, сидящему в мрачной пещере.

Этот небесно-земной дворец являлся в глазах простого народа Дунфань священным местом, только знатные персоны либо те красивые люди, которые подвергались небесному наказанию, могли войти в него. Каждый в Дунфань, увидев прекрасное святое озеро и тёмно-зелёное, поглотившее множество древних душ, небесно-земное кольцо, мог подвергнуться духовному озарению.

Всю дорогу, пока они шли, Лу Дань ни разу не свёл тонкие брови к переносице, сохраняя хладнокровие. В небесно-земном дворце было два уровня, в которых размещались подземные тюрьмы, идущий впереди охранник прошёл уже первый уровень, но так и не остановился. Неужели Фэн Мина заточили в самой омерзительной камере на втором уровне?

— Господин советник, это здесь. — И действительно, охранник проводил Лу Даня к самой дальней и маленькой камере, что была на втором уровне.

Душу Лу Даня охватил гнев, а сам мужчина, едва сдерживаясь, легко приказал:

— Князь Мин, Лу Дань пришёл проведать Вас.

Но не получил никакого ответа.

Лу Дань сильнее нахмурил брови и, взяв горящий факел, через деревянное ограждение заглянул внутрь. Внезапно испугавшись, господин советник вскрикнул:

— Князь Мин, что с Вами?

Фэн Мин, опираясь на стену и обняв колени, словно забылся мёртвым сном.

— Откройте дверь.

— Господин советник, согласно приказу главы цзиши, этот человек оскорбил святой... — но, встретившись со взглядом Лу Даня, охранник ошеломлённо сглотнул слюну, не смея продолжать.

Лу Дань сверкающими глазами уставился на мужчину и, подчёркивая каждое слово, проговорил:

— Я хочу, чтобы ты открыл дверь. — Красивое лицо помрачнело, в глазах сверкнуло желание убивать, и хоть на лице была вуаль, вид советника по-прежнему пугал.

Привыкший к мрачным стенам небесно-земного дворца, охранник, твёрдо стоявший на своём, сейчас невольно задрожал. И даже глава цзиши не смела конфликтовать с любимым советником императора, а у него — маленького охранника — откуда возьмётся смелость противостоять разгневанному господину Лу Даню?

— Слушаюсь-слушаюсь! — Торопливо достав из-за пояса связку ключей и также спешно найдя среди них нужный ключ, стражник поместил его в скважину большого дверного замка. Раздался металлический лязг, после чего послышался ясный «щёлк».

Лу Дань, толкнув решётчатую дверь, широким шагом приблизился к Фэн Мину и, преклонив одно колено, позвал:

— Князь Мин? — Юноша тяжело дышал, а его лицо заливал тёмно-красный румянец. Лу Дань коснулся лба, который был пугающе-горячим, спешно отдернул руку и, обернувшись, крикнул: — Скорее проводите князя Мина отсюда и прикажите подготовить лекарства от простуды. — В итоге, не заставляя охранника прикоснуться к юноше, мужчина лично взвалил Фэн Мина себе на спину и, сделав несколько шагов вперёд, вышел из камеры.

— Господин советник, ни в коем случае нельзя, по приказу главы цзиши...

На вид женственный Лу Дань оказался довольно сильным. Держа Фэн Мина на спине, господин советник нисколько не утомился, наоборот, вытянув руку, отвесил охраннику оплеуху. Раздалась звонкая пощёчина, а сам охранник от этого удара даже отступил на пару шагов назад. Лу Дань же, в свою очередь, с холодной усмешкой сказал:

— Я выдающийся советник, а ты — маленький охранник — посмеешь преграждать мне путь? — И, развернувшись, ушёл прочь.

После этого охранник вставать на пути и даже уговаривать не осмелился и, спешно взяв факел, зашагал сзади.

Стоило пройти первый уровень и подняться наверх, как в глазах внезапно потемнело, а со всех сторон спешно и незаметно скользнули тени и возникли перед Лу Данем, преграждая путь.

Стоявшая впереди глава цзиши смерила взглядом господина советника, несущего на спине Фэн Мина, и осипшим голосом обрывисто проронила:

— Куда господин советник хочет увести преступника из храма цзиши?

Лу Дань, увидев главу цзиши, остановился и, обведя взглядом пространство, беззлобно улыбнулся. Его улыбка, словно весенний ветерок, тронула взгляд каждой цзиши, а сам мужчина громко проговорил:

— Князь Мин является достопочтенным гостем, которого Лу Дань привёз из Силэй, а нынче он тяжело болен, конечно же, Лу Дань забирает его, чтобы вылечить.

— Этот человек — серьёзный преступник, оскорбивший святой дворец, сейчас тяжёлая болезнь, ниспосланная ему, — кара Небес.

— Разве глава цзиши не говорила, что только через три дня накажет его? Если князь Мин умрёт сейчас и если по чистой случайности духи подадут небольшой знак, разве тогда не будет означать, что глава цзиши оскорбила духов?

На что женщина с холодной усмешкой сказала:

— Если он умрёт от болезни, значит, это желание Небес. Зачем же обвинять нас?

Стоящая в стороне другая набожная цзиши тихонько фыркнула, и несколько приближённых охранников храма цзиши неспеша окружили их.

— Советник является любимым и преданным императорским слугой, который имеет право самовольно открыть дверь тюрьмы без серьёзного наказания. Советнику лишь придётся простоять перед святым озером с час, прося покаяния, не более. Что же касается князя Мина, если советник попросит, то мы, цзиши храма, естественно, позволим, — слева отозвалась одна из окружения цзиши.

Взваленный на спину Лу Даня Фэн Мин всё так же ни на волос не отреагировал, лёжа ничком, юноша спал глубоким сном, а исходящий от князя жар передавался Лу Даню. Его здоровье изначально было хилым, и юноша на протяжении всего пути так или иначе подвергся страданиям, а после попал к этим бесчеловечным старым девам в руки. Разве был у него путь к спасению?!

Лу Дань, посмотрев на окружавшую их охрану, перевёл взгляд на главу цзиши, в его глазах промелькнула шелковинка решительности, а сам господин советник, держа высоко голову, спросил:

— Мы можем договориться?

Примечания:

[1] Обр. в знач.: не терпеть друг друга, быть на ножах.

<http://bllate.org/book/13377/1190142>